

**НОВОЕ
РУССКОЕ
СЛОВО**

N.Y. Public Library
42 St. & 9th Ave.
N.Y.C.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 413 E. 14th St., New York, 3, N. Y.

Вальс Грибоедова

от ума». Петербургские газеты впервые с удовлетворением тогда писали: «Сцена бала в настоящее время уже не найдется в противоречии с указаниями автора. Вместо большого полонеза, а еще раньше мазурки и кадрили, превращенных в какой-то искусственный дивертисмент, теперь финал этот поставлен согласно ремаркам А. С. Грибоедова».

Как начинается «Горе от ума»?

Ответ на этот вопрос вряд ли кого-нибудь затруднит.

— Комедия, — скажут нам, — начинается, конечно, монологом Лизы: «Светаёт?... Ах, как скоро ночь минула...»

А между тем спектакль открывается вовсе не этим драматическим монологом, а музыкальным дуэтом, идущим за сценой. Сам Грибоедов говорит об этом в начальной ремарке: «Гостиная... Справа дверь в спальню Софьи, откуда слышно фортепиано с флейтой, которые потом умолкают».

Музыка, звучащая в театре еще до поднятия занавеса, не только начинает спектакль, но и далее ведет действие комедии. Ведь именно эти звуки объясняют неожиданное явление на сцену Фамусова в столь неурочный час.

Грибоедов ввел в комедию яркую бытовую черту. В фамусовской Москве едва ли не поголовным было увлечение музыкой — именно ансамблем флейты с фортепиано.

Все новое и оригинальное, музыкальное начало грибоедовской комедии, естественно, не избегло нападков. Даже такой тонкий знаток сцены, как Катенин, говорил, что «пьеса начинается не совсем благопристойно». Критик-ригорист, видимо, не учел, что музыка, введенная Грибоедовым, должна дать зрителю исчерпывающее представление о совершенно невинном характере встреч Софьи с Молчаливым.

Начав комедию музыкальным прологом Грибоедов снова привлек музыку к участию в кульминационной сцене пьесы. В доме Фамусовых происходит домашняя вечеринка, на которой будут танцевать под фортепиано. Объясняя эту ситуацию, Софья говорит: «Мя в трауре, так бала дать нельзя».

Вот еще один из ярких примеров мастерского использования музыки для показа лицемерных канонов фамусовского дома. Да, из-за траура бала дать нельзя! То есть: нельзя разослать пышных приглашений билетов, нельзя танцевать под оркестр, — а под фортепиано можно.

Впрочем, постановщики старинного театра действовали в этой сцене не оглядываясь не только на княгиню Марью Алексеевну, но нисколько не считаясь и с самим автором.

«Сказать теперь молодым людям, — писал В. И. Немирович-Данченко, приступая к постановке «Горе от ума» в МХАТ, — так они не поверят, что еще сравнительно недавно капельмейстер взмахивал палочкой, и господин Д. с Софьей под звуки оркестра танцевали мазурку, и публика хлопала, и артисты бисировали танец, а потом под звуки того же оркестра все гости Фамусова проходили в торжественном полонезе».

Волею режиссера действие комедии останавливалось вовсе. Недаром в афишах строкой: «По ходу спектакля дан будет Бал Москвы». А потом драматические артисты скромно расходились за кулисы и кордебалет исполнял торжественный полонез, и экосезы, и кадрили, а главное, мазурку.

И как ни странно, вопреки прямой ремарке Грибоедова, что монолог Чацкого обрывается на вальсе («Все в вальсе кружатся с величайшим усердием»), спектакль обходился порой вовсе без вальса.

Только к пятидесятилетию постановки «Горя от ума» в

афишах Александринского театра в Петербурге объявлялось: «В третьем действии будет исполнен на фортепиано вальс А. С. Грибоедова». Так публика впервые познакомилась с неизвестной ей страницей биографических композиций.

Введение в спектакль одного из вальсов, сочиненных Грибоедовым, было тем более уместно, что по времени сочинения он совпадает с работой Грибоедова над «Горем